

УДК 82.09(075.8)

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ В ОСМЫСЛЕНИИ Г.К. ЧЕСТЕРТОНА

ВАСИЛЬЕВА Екатерина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье на материале публицистических, философских и художественных произведений Г.К. Честертон, английского писателя начала XX века, представлена критическая оценка состояния общественного сознания конца XIX – начала XX Честертоном, которое он определяет как духовный и идеологический кризис западноевропейского общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеологические и нравственные проблемы рубежа XIX–XX вв., духовный кризис, распад традиционной системы ценностей, позитивизм, нигилизм, субъективизм, детерминизм, ницшеанство, «философия радости».

VASILIEVA E.V.,

Cand.Philolog. Sci., Docent of the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature,

Voronezh State Pedagogical University

G.K. CHESTERTON'S UNDERSTANDING OF THE SPIRITUAL CRISIS AT THE TURN OF XX CENTURY

ABSTRACT. The article presents a critical evaluation of the public conscience at the turn of the XX century based on G.K. Chesterton's, the early XX century English writer, publicist, philosophical and fiction works. The public conscience of the period is defined as a spiritual and ideological crisis of the West European society.

KEY WORDS: ideological and moral problems at the turn of XX century, spiritual crisis, collapse of traditional value systems, positivism, nihilism, subjectivism, determinism, Nietzscheism, "philosophy of happiness".

Творчество Г.К. Честертон, известного английского писателя и публициста начала XX века, неразрывно связано с социальными, идеологическими и нравственными проблемами рубежа XIX–XX веков. При этом оно уникально своей полемичностью по отношению к основным идеям и тенденциям этого времени, которые провозглашались современниками как нечто новаторское.

Эпоха, в которой формировалось мировоззрение Г.К. Честертон, была пронизана «идеей одновременного Конца и Порога, роковой черты, напряженного ожидания...» [1, с. 215]. Духовный кризис, который переживала Западная Европа на рубеже XIX–XX веков, был обусловлен усиливающимся процессом обезличивания социально-экономических отношений, а также кризисом системы свободного предпринимательства. Возникла необходимость переосмысления традиционной концепции человека, которая складывалась в эпохи Возрождения и Просвещения, позиционирующие человека как цельного, сознательного, деятельного субъекта, обладающего системой нравственных ценностей и моральной ответственностью.

Г.К. Честертон, необычайно чуткий художник и мыслитель, уловил основные настроения своей эпохи: критику важнейших культурных ценностей XVIII–XIX веков, нигилистическое отношение к рационализму, гуманизму и вере в безграничные возможности науки и разума, отрицание моральной ответственности. В своих публицистических рабо-

тах (сб. эссе «Еретики», 1905; эссе «Розовый куст»), теологических трактатах («Ортодоксия», 1908; «Вечный человек», 1925) Честертон констатирует такую особенность своего времени, как утрата человеком рубежа веков доверия к бытию: подвергается сомнению окружающая реальность и адекватность восприятия ее человеком. Конкретный, обжитый, знакомый мир воспринимается как бессмысленный и абсурдный, не поддающийся пониманию и объяснению. Писатель считает, что новые открытия науки еще больше смутили человека; было совершенно непонятно: «... в науке открылись глубочайшие глубины или ... в ней провалился пол» [2, с. 579]. Сознание человека конца XIX – начала XX века погружается в кошмар ирреальности, зыбкости и неопределенности. «Искавилось пространство», «время уже не просто время», «изменился узор мира, надежные шарики атомов сменились неверными клубочками», «... наука расшатывает все то, что мы как будто бы знали» («Розовый куст»). «Когда же человек взглянул на свой портрет, он в прямом смысле слова себя не узнал. Он увидел Подсознание, которое ... не так уж на него похоже; он увидел свои комплексы, страхи, подавленные желания, а то и просто другое «я» своей раздвоенной личности» [2, с. 580].

Но Честертон утверждает, что в состоянии анархии находится не мир, а общественное сознание конца XIX – начала XX вв. В «Ортодоксии» он утверждает, что одним из особенных качеств общест-

ва и культуры того времени является распад того, что представлялось цельным: единства прекрасного, истинного и нравственного. Распатывание и распад традиционной системы ценностей, основанной прежде всего на христианской морали, выпускают на волю не только пороки, но и «сошедшие с ума» добродетели. «Современный мир полон старых христианских добродетелей, сошедших с ума. Они сошли с ума, потому что разобщены» [3, с. 377].

Подобную мысль о разобщении человеческих ценностей, разрушении царства Истины, Добра и Красоты на рубеже XIX – XX веков высказает несколько позже и немецкий философ Макс Вебер. Эпоха декаданса отмечена отделением Истины от добра и красоты, Добра – от красоты и истины, Красоты – от добра и истины. Ю. Давыдов считает, что Вебер фиксирует распад ценностной системы, существовавшей на протяжении нового времени: «... нечто священо именно потому и постольку, поскольку оно не прекрасно... Мы знали также, что прекрасное может не быть добрым и даже, что оно прекрасно именно потому, что недобро, это нам известно со времени Ницше, а еще ранее вы найдете это в «Цветях зла» ... И уже ходячей мудростью является то, что истинное может не быть прекрасным и что нечто истинно лишь постольку, поскольку оно не прекрасно, не священо и не добро» [4, с. 149].

Стоит только удивляться прозорливости и чуткости Честертон, который еще в 1908 году в «Ортодоксии» констатирует эту ситуацию в западноевропейской культуре: «... так некоторые ученые заботятся об истине, и истина их безжалостна; а многие гуманисты заботятся только о жалости и жалость их часто лжива» [3, с. 375]. Современные исследователи, определяя социокультурные характеристики этой эпохи, приходят к тем же выводам, что и Г.К. Честертон и М. Вебер. «Декаданс живет идеей распада, отсутствия «центра» (образ Йетса), конца грозных предзнаменований, заката, демонизма, пира во время чумы...» [1, с. 215]. По мере развития капитализма, по словам Ю. Давыдова, происходит «демифологизация» социокультурного мира, что приводит на рубеже XIX–XX вв. к утрате устойчивой ценностной системы координат [5, с. 6–7].

Находясь в центре культурных событий начала XX века, идейных споров, философских, этических, социальных, Честертон откликался на все «новые взгляды» и «особые веяния» [2, с. 584]. Писатель вел непрерывный диалог с ведущими идеями, концепциями своей эпохи (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Г. Спенсер и др.). Основной анализ и критику современного состояния идеологической мысли можно найти в эссе Г.К. Честертон, а также в его знаменитых книгах «Еретики» (1905), «Ортодоксия» (1908), «Вечный человек» (1925).

Состояние общественного сознания конца XIX – начала XX веков он определяет как «интеллектуальную беспомощность» («intellectual helplessness») [3, с. 377], умственный кризис. Большое, путанное состояние ума порождает политические и социальные беды, а также является опасностью для духовного здоровья своих сограждан.

В главах «Сумасшедший» и «Самоубийство мысли» («Ортодоксия») Честертон анализирует современные ему учения: детерминизм и прагматизм, материализм и субъективный идеализм, – и приходит к выводу: «... в наиболее типичных современных философиях замечаешь не просто манию, но манию самоубийства» (самоубийства мысли Е.В.) [3, с. 381], «дряхлость и окончательный распад» человеческой мысли. Философов и мыслителей он сравнивает с сумасшедшими. И дело совсем не в том, что в их теориях не хватает логики, как раз наоборот. Безумие, по Честертону, это приверженность одной идее и взгляд на мир только с одной точки зрения, единственно верной по мнению автора идеи. «Ущербная мысль так же логична, как здравая, но не так велика. ... Бывает узкая всемирность, маленькая, ущербная вечность как во многих современных религиях. Наиболее явный признак безумия – сочетание исчерпывающей логики с духовной узостью» [3, с. 367]. Однобокий взгляд, возведение в абсолют какого-то одного принципа (зачастую субъективного) восприятия действительности и приводят к идеям и теориям, которые английский писатель называет объяснениями «безумцев». «Сумасшедший заключен в чистую, хорошо освещенную тюрьму одной идеи, у него нет здорового сомнения, здоровой сложности» [3, с. 369].

В книге «Еретики» английский писатель подчеркивает субъективный, волюнтаристский момент в идеях современных философов и называет их «еретиками». «Еретик – тот, кто любит свою истину больше, чем Истину. Он предпочитает полуправду, которую отыскал сам, правде, которую отыскали люди; он ни за что не хочет понять, что его драгоценный парадокс связан с дюжинами общих мест и только они, вместе, составляют мудрость мира» [2, с. 585]. Честертон констатирует, что утрата целостной системы взглядов на бытие, попытка расщепить человека на составляющие приводит в современной науке и философии к кризису общественного сознания.

Творчество Г.К. Честертон, будучи прямым порождением своей эпохи, в то же время является активным ее осмыслением и оценкой. Анализируя взгляды Честертон, можно утверждать, что ему были чужды идеи позитивизма, он называл это философское направление «логическим безумием» и «главным источником интеллектуального и морального скептицизма». Споря с узким практицизмом, опирающимся на философию позитивизма, писатель отрицательно относился к абсолютизации разума, следствием которой были культ факта, признание только внешней стороны жизни. Разум без воображения не способен познать сущность вещей и проникнуть в суть происходящего. Такому беспомощному однобокому разуму недоступна главная проблема жизни – смысл человеческого бытия. В своих работах писатель обличал механистический прогресс, которому чуждо счастье человека и его ценности. «...абсолютное большинство современных философов ... готовы пожертвовать счастьем ради прогресса, тогда как только в счастье и заключается смысл всякого прогресса. Точно так же они подчиняют добро целесообразности, хотя всякое добро есть цель, а всякая целесообразность – это не более чем средство для достижения блага» [6, с. 104–105].

Мир романа «Шар и крест» – это реализованная в конкретно-чувственных образах идея узкого научного рационализма. Скрываясь от полиции, глав-

ные герои, Эван Макиэн и Джеймс Тернбул, сами того не подозревая, попадают в психиатрическую клинику. Все, что с ними происходит, похоже на сон. Но сон этот, страшный и кошмарный, превосходит антиутопии XX века Дж. Оруэлла и М. Замьятина, сюрреалистические кошмары Ф. Кафки. В романе жизнь подчинена принципам целесообразности, голого разума, технического прогресса. Истинно только то, что можно проверить на опыте, увидеть собственными глазами. Все, что не подчиняется законам безупречной логики, должно быть уничтожено или изолировано. Герои, отстаивающие свои взгляды на дуэли, преследуются, как «опасные мятежники» [7, т. 3, с. 290], посмеившие затеять «героическую глупость» [7, т. 3, с. 319]. Они опасны для системы, основанной на узком научном рационализме, как живое ее отрицание, поэтому их пытаются поймать и объявить сумасшедшими. В эту жесткую схему прежде всего не вписывается обыкновенный человек с его слабостями и противоречиями. Отец Михаил в споре с профессором Л., олицетворяющим гордыню науки и логического безумия, замечает: «Сперва вы ненавидите все, что не сведешь к логике, потом – просто все, ибо ничего в мире не сводится к логике без остатка» [9, т. 3, с. 265].

Идеолог государственной политики в Англии, лорд Айвивуд (роман «Перелетный кабак»), является приверженцем ницшеанства и ислама. Образ лорда Айвивуда в этом романе является откликом Честертона на философию Ф. Ницше, с которой общественная мысль Англии познакомилась по работе А. Орэджа (Orage «Friedrich Nietzsche, the Dionysian Spirit of the Age», 1906). Анализ и критике ницшеанства посвящены отдельные места «Еретиков», «Ортодоксии», а также некоторые эссе Честертона («О чтении» и др.)

Отдавая дань оригинальности и неординарности концепции Ф. Ницше, Честертон признавал, что идеи философа – это своеобразный «мятеж против трусости и пустоты нашего века» [3, с. 387]. Но он не мог принять ницшеанского утверждения необходимости страдания как основной закономерности жизни, неизбежности фатализма человеческого существования, а также идею Сверхчеловека. По мнению Дж. Коутса, попытка Честертона соединить мораль Ницше с исламом – важнейшая часть его критики идеи фатализма [8, с. 90].

Айвивуд провозглашает «любовь к судьбе», которая сулит ему удел героя и сверхчеловека. В разговоре с Джоан Берт он замечает: «... я не стыжусь своей славы. Я не вижу смысла в том, что христиане зовут смирением. Если я смогу, я стану величайшим человеком мира; и думаю, что смогу...» [9, т. 2, с. 291]. Непомерная гордыня этого героя позволяет ему рассматривать человека настоящего как материал для будущего. Честертон смог уловить характерную особенность ницшеанской философии: неприятие и недоверие к современному человеку, ценность которого трактуется лишь как залог будущего. Недоверие к человеческой природе и отрицание человеческих ценностей проявляется у Айвивуда в стремлении к их преодолению (у Ницше: «... преодоление человека», существование «по ту сторону добра и зла»). Человеческие рамки тесны Айвивуду, он верит в свою избранность и особое предназначение: «Я пойду там, где не был никто. ...Мне не нужны приключения среди изгородей и канав. Мои приключения у пределов разума. Я буду думать о том, о чем никто не думал, любить то,

чего никто не любил. Я буду одинок, как первый человек» [9, т. 2, с. 266]. Идею Сверхчеловека Честертон соединяет в мировоззрении героя с эволюционными теориями второй половины XIX века.

Стремление выйти за рамки человечески возможного приводит Айвивуда к убеждению, что «все живет лишь тем, что превращается во что-то другое». Поэтому нет ничего постоянного и неизменного, а значит, и ценного в настоящем, нет индивидуального и неповторимого, того, что составляет сущность явления, вещи, личности. Взгляды Айвивуда оспаривает его родственник, поэт Дориан Уимпол на выставке постфутуристов: «И сочетать, и искать можно до известных границ, дальше будет уже другая вещь, и все. ... Как же ты не видишь, что каждый предмет ограничен от другого тождеством с самим собой?» [9, т. 2, с. 266]. Эти аргументы Дориана отражают взгляды самого писателя, которые он изложил в «Ортодоксии» (гл. «Самоубийство мысли»); любое искажение, «освобождение» предмета от его сущностных признаков – это его уничтожение. Этот закон действителен и для человека (не может быть человека «по ту сторону добра и зла», так как это уже не человек), и для природы, и для искусства. «Вы можете освободить тигра от заточения в клетке, но не от полос» [3, с. 384].

Анархия и нигилизм, охватившие умы людей рубежа веков, воспринимались как один из путей поиска истины, выхода из тупика. Анархист Грегори (роман «Человек, который был Четвергом») провозглашает идеи, определяющие атмосферу декаданса, которая питалась теориями популярных философов (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше): в хаотичном и бессмысленном мире уделом человека является страдание; только абсолютная свобода может укрепить творческие силы человека; спасти неповторимую индивидуальность можно только благодаря особому рода «гуманизму», стоящему над добром и злом. Речь Грегори пестрит лозунгами: «Анархия и творчество едины. Это синонимы. Поэт отрицает власть, он упраздняет условности. Радость его – лишь в хаосе» [9, т. 1, с. 152]. Можно предположить, что Честертон пронизывает над книгой М. Арнольда «Культура и анархия» (1869), которая в начале XX века вновь обрела популярность. «Мы хотим снять пустые различия между добром и злом, честью и низостью – различия, которым верны обычные мятежники. Глупые, чувствительные французы в годы революции болтали о правах человека. Для нас нет ни прав, ни несправия, нет правых и левых» [11, т. 1, с. 158], – провозглашает Грегори. Это уже анархия глобального порядка, которая стремится уничтожить все рамки и границы, все законы, организующие социальную и нравственную жизнь общества.

По словам В.М. Толмачева, в философии и культуре конца века отрицание становится универсальной категорией. Новые научные открытия, крах механистической картины мира, утрата веры в безусловность капиталистического прогресса приводят прежде всего к сомнению в возможностях человеческого разума, а также к попытке опровергнуть существующие этические и эстетические законы как устаревшие. Ницшеанские идеи бунта духа (освобождение человеческих потенций, «воля к власти», «преодоление человека») Честертон оценивает в «Ортодоксии» как несостоятельные: «...любой акт воли – самоограничение. ...Выбирая что-нибудь, вы отказываетесь от всего остального» [3, с. 383]. «Бунт современного бунтаря стал бессмыслен: вос-

ставая против всего, он утратил право восстать против чего-либо» [3, с. 385]. Для Честертон было бесспорно, что человек, живя в мире реальных фактов и соприкасаясь с конкретными вещами, не может быть полностью от них свободным. «В тот момент, когда вы вступаете в мир фактов, вы вступаете в мир ограничений» [3, с. 385].

Система взглядов самого Г.К. Честертон сильно отличалась от подавляющих настроений эпохи: прагматичного цинизма, всеобщего скепсиса и разочарования. Его концепция мира и человека сформировалась в результате преодоления собственного духовного кризиса, пережитого во время обучения в художественном училище Слейда при Лондонском университете (1892–1895) (см. Г. Честертон «Автобиография»). В это время идеалы детства и отрочества столкнулись, с одной стороны, с утилитарными, прагматическими целями буржуазного общества, с другой стороны, – с декадентскими настроениями пессимизма, всеобщего скепсиса и нигилизма. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы выстоять в противоборстве с господствующими идеями века (философией Шопенгауэра, позитивизмом Г. Спенсера, субъективно идеалистическими и эстетскими теориями). Свою духовную эволюцию Честертон описывает в «Автобиографии» (гл. «Как стать безумцем»), а его концепция мира и человека воплощается в ряде работ («Ортодоксия», «Вечный человек», эссе «Упорствующий в правоте»), а также в романах и новеллах.

В итоге он создает оригинальную философию радости и веры, которая основывается на «минимуме добра». По мнению писателя, мир не так прост и скучен, как видят его обыватели и прагматики, но и не так страшен и катастрофичен, каким воспринимают его интеллектуалы. В свете его системы мир разнообразен, многолик и чудесен. Это свидетельствует не о его испорченности и распаде, а, наоборот, о том, что мир не исчерпал свои силы. Когда человек рубежа веков ощутил новые проявления жизни, не укладывающиеся в сложившиеся представления, он испугался и принял это за конец. В эссе «Дон Кихот. Божественная пародия» Честертон утверждает, что надо говорить не об испорченности мира, а о том, что «путаница жизни, ее сомнения, неразбериха, ответственность, непонятная самому человеку, – все это происходит от избытка добра» [10, с. 35].

Молодой Честертон проникся удивлением и восторгом перед тем фактом, что мир – это «то, чего не может быть и что есть». В главе «Этика эльфов» («Ортодоксия») он описывает невероятное чувство, которое появилось, когда он понял, «что жизнь столь же драгоценна, сколь изумительна. Жизнь прекрасна, ибо она приключение, жизнь – приключение, ибо она шанс» [3, с. 395]. Его концепция

основывается на утверждении, что все прекрасно по сравнению с небытием. Человек не должен требовать невозможного, он должен оценить по достоинству хотя бы то, что у него есть. Нельзя сетовать на несовершенство мира и человека, которые, с точки зрения писателя, частные проявления и не отражают сути мироздания: зло не является его доминантой. В «Автобиографии» (гл. «Как стать безумцем») он замечает: «Я благодарил богов не за то, что нет вечной жизни, а за то, что вообще есть жизнь; ... я благодарил их не за мою непобедимую душу (здесь мой оптимизм не так силен), а за мою душу и мое тело...» [11, с. 24]. Как справедливо заметил С. Аверинцев, Честертон рассматривает человеческую благодарность по отношению к миру как залог счастья: «Ведь жизнь как таковая дает вовсе не счастье, а лишь условия для счастья; одновременно она дает и другое – достаточно благовидных предлогов, ссылаясь на которые, мы можем уклониться от благодарности судьбе и людям, а значит, от счастья. Благодарность – самое сердце счастья; вычтете из счастья благодарность, и что останется? Всеюнашего благоприятные обстоятельства, не более того» [12, с. 337]. По словам Честертон, современный человек утратил чувство благодарности и способность удивляться чудесности, многообразию мира, а также забыл о его хрупкости.

Критикуя нигилизм и скепсис декаданса, Г.К. Честертон выступает как «упорствующий в правоте» (название одного из эссе Честертон), защищающий самые основы жизни. В главе «Как стать безумцем» («Автобиография») писатель четко определяет свое жизненное и творческое кредо: «Когда я начал писать, то преисполнился яростной решимости выступать против декадентов и пессимистов, задававших тон культуре того времени» [11, с. 24]. Полемика с теориями и концепциями, которые утверждают хаос и распад мира, изжитость и исчерпанность бытия, с настроениями «конца» и «заката» становится основным содержанием творчества Г.К. Честертон.

Как многие писатели и философы его поколения (Б. Шоу, Г. Уэллс, Дж. Голсуорси, Д. Лоуренс), Честертон включается в процесс поиска путей восстановления «разорванного сознания» отчужденного человека, предлагает свою систему идеалов, которая направлена на противостояние обезличиванию и поглощению человека прагматичной буржуазной действительностью. Свою концепцию человека и мира, систему идеалов, их гармоничного существования, английский писатель выстраивает, опираясь на феномены современного ему мира: нравственные ценности, запечатленные в католичестве, мироощущение детства и народного сознания, традиции классической литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Толмачев, В.М. Типология модернизма в Западной Европе и США: культурологический аспект [Текст] / В.М. Толмачев // Современный роман: Опыт исследования. – М. : Наука, 1990. – С. 213–231.
2. Честертон, Г.К. Избранное: Человек, который был Четвергом; Перелетный кабак: Романы. Рассказы. Эссе [Текст] / Г.К. Честертон. – М. : ТЕРРА, 1996. – 592 с.
3. Честертон, Г.К. Вечный Человек [Текст] / Г.К. Честертон. – М. : Политиздат, 1991. – 544 с.
4. Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М. : Политиздат, 1991. – 366 с.
5. Давыдов, Ю. Бегство от свободы [Текст] / Ю. Давыдов. – М. : Худож. лит., 1978. – 365 с.
6. Chesterton, G.K. Generally Speaking: A book of essays / G.K. Chesterton. – Leipzig : Tauchnitz, 1929. – 272 p.
7. Честертон, Г.-К. Избранные произведения в 4-х томах [Текст] / Г.-К. Честертон. – М. : Bookchamberint, 1994.

8. Coats, J.D. Chesterton and the Edwardian Cultural Crisis / J.D. Coats. – Hull : Hull univ. Press, 1984. – 266 p.
9. Честертон, Г.К. Избранные произведения : в 3 т. [Текст] / Г.К. Честертон. – М. : Худож. лит., 1992.
10. Честертон, Г.К. Истинная романтика; «Дон Кихот». Божественная пародия; Что значит писать плохо; О классике (Эссе) [Текст] / Г.К. Честертон // Детская литература. – 1989. – № 3. – С. 33–37.
11. Честертон, Г.К. Писатель в газете : худ. публицистика [Текст] / Г.К. Честертон. – М. : Прогресс, 1984. – 384 с.
12. Аверинцев, С.С. Гилберт Кит Честертон, или неожиданность здравомыслия [Текст] / С.С. Аверинцев // Честертон Г.К. Писатель в газете: художественная публицистика. – М. : Прогресс, 1984. – С. 329–342.